

ИСТОРИЯ МАТЕРИНСТВА В РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ЗАРУБЕЖНОЙ (АНГЛОЯЗЫЧНОЙ) ИСТОРИОГРАФИИ*

В статье утверждается, что впервые история материнства в России была проблематизирована американскими исследователями. Выделение motherhood studies проходило параллельно в двух направлениях — гендерной истории и истории семьи. Первые работы по антропологии материнства России появились в зарубежной историографии в 1970-е гг. Д. Рэнсел стал инициатором конференции, посвященной истории семьи в России, которая привлекла внимание зарубежных историков к проблеме материнства в прошлом России. Наибольший интерес американской русистики к проблеме материнства наблюдался в 1980-е гг. Исследователей привлекали матери как из социальных низов (работницы, крестьянки, колхозницы), так и из аристократической среды (дворянки). Ученые затронули запретные для отечественной историографии темы — аборт, инфантицид, семейное насилие. Русисты подчеркивали амбивалентное отношение общества к материнским ролям. С 1990-х гг., ввиду доступности источников «устной истории», интерес ученых сосредоточился над изучением советского материнства. Среди методов доминировали этнографические, а также социологические, что отразилось на методах исследования (преобладали устные интервью, полевые исследования, анкетирования). Материнство рассматривалось в контексте истории и социологии семьи, сексуальных отношений. Русисты 2000–2010-х гг. слабо развивали motherhood studies. Они обращаются к переосмыслению истории женщин, заостряя внимание на ее важнейших вехах, вплетая ее в общую европейскую историю женщин. При этом изучение института материнства в России потеряло намеченную еще с 1970-х гг. актуальность. Зарубежными историками были разработаны основные методы и подходы в изучении материнства прошлого. Их исследования отличаются междисциплинарностью и филигранной работой с женскими эго-документами. Автор утверждает, что существенными недостатками работ по материнству дореволюционного периода стали скудность вовлечения в научный оборот новых эмпирических материалов, а также чрезмерная абсолютизация выводов.

Ключевые слова: материнство, русистика, родительство, гендер, депривация, сексуальная культура.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Субкультура материнства в дворянской среде пореформенной России: антропологический и исторический подходы», проект №14-31-01217.

Мицюк Наталья Александровна — кандидат исторических наук, докторант ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая; ст. преп. кафедры философии Смоленской государственной медицинской академии (ochlokratia@yandex.ru)

Mitsyuk Natalya — Candidate of Science (History), Postdoctoral Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology; Associate Professor, Department of Philosophy, Smolensk State Medical Academy (ochlokratia@yandex.ru)

Введение

У истоков изучения истории материнства в России стояли американские и западноевропейские исследователи. «Советский эксперимент» в сфере семейных отношений вызывал живой интерес у американских социологов, этнографов, историков, которые уже в 1930–1940-е гг. опубликовали свои первые работы (Field 1932; Halle, Green 1933; Matthews 1949). При этом характер исследований состоял в схематичной репрезентации социальной политики советской России в данной области. Первые публикации по антропологии российского материнства появились как раз в то время, когда на Западе зарождались *motherhood studies* (Пушкарева 1999; 2000), — в 1970-х гг. Рост интереса западных ученых к гендерной истории России в целом и материнской теме в частности происходил на фоне того, что в рамках советской историографии данные вопросы никак не вписывались в утвержденные подходы исторических исследований. Исключение составляли этнографические работы, в которых традиционно находила отражение тематика родительских отношений, прежде всего, в народной среде (материнство как таковое не являлось целью изучения этнографов, их интересовали традиционные практики, связанные с родовспоможением, уходом за младенцами и проч.) (Пушкарева 2001). В условиях методологического кризиса постсоветской исторической науки западные ученые продолжили всесторонне раскрывать образ российских матерей, вписывать их в мировую социальную историю.

Актуализация истории материнства России в зарубежных (англоязычных) исследованиях

Начало изучения материнства в прошлом России можно датировать 1976 годом, когда по инициативе Дэвида Рэнсела (впоследствии профессора Индианского университета) в университете Иллинойс (США) была организована конференция, впервые посвященная таким проблемам социальной истории России, как трансформация институтов семьи, материнства, родительства, детства (Hellie 1980). На конференции функционировали четыре секции, на которых выступили молодые ученые, ставшие впоследствии видными русистами. Два года спустя по результатам конференции был опубликован научный сборник «Семья в императорской России: новые направления исторических исследований» («The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research»), редактором которого стал Д. Рэнсел (Ransel 1978). В большинстве статей впервые раскрывались проблемы материнства, родительства, семьи в истории России XIX в. Почему именно этот временной отрезок вызвал первоначальный интерес у русистов? Видимо, это было связано с доступностью исторических документов эпохи, т. к. многие источники личного происхождения (мемуары, дневники), законодательные акты Российской империи, отражающие проблемы социальной истории, были переведены на английский язык или вообще впервые изданы за границей.

В своих ранних работах Д. Рэнсел рассматривал особенности практик деторождения россиянок, способы ухода за младенцами и особенности воспитания детей в крестьянских и дворянских семьях XIX в. (Ransel 1978: 189–217). В пред-

ставленном сборнике были опубликованы статьи о характере государственных форм поддержки материнства и младенчества в России, о причинах высокой младенческой смертности и тяжести детских заболеваний (Н. Фрайден); о родильной культуре в России, развитии акушерских знаний; о детях-беспризорниках («заброшенных детях») (С. Рамер). Р. Джонсон, характеризуя матримониальное поведение русского крестьянства в 1880–1900 гг., выделил следующие черты: повышение брачного возраста, рост незаконных рождений, вызванных миграцией населения в города, рост абортных практик среди городского населения. Следует отметить, что эти же выводы были озвучены советскими демографами (Брачность, рождаемость, смертность... 1977: 230–246). Если интерес русистов привлекли преимущественно матери из беднейших слоев общества, то Джессика Товров впервые обратила внимание на матерей из дворянской среды. В том же сборнике она представила статью о характере взаимоотношений матерей и дочерей в дворянских семьях (Ransel 1978: 15–43).

Обращение русистов к материнской теме в России происходило параллельно в рамках изучения гендерной истории. В 1977 г. коллективом авторов (в основном американцев) был опубликован труд под общим названием «Женщины в России» (Atkinson et al. 1977). Исключительной по постановке проблемы явилась статья Молли Розенан, посвященная анализу женских (в том числе материнских) и мужских образов в сознании ребенка. Новаторский подход был обусловлен тем, что автор опирался преимущественно на детские «устные истории», а также результаты проведенных анкетирований и опросов. Она отметила существование в России официального культа материнства, что, по мнению автора, накладывало существенный отпечаток на восприятие ребенком матери и отца (Ibid: 293–307). Дороти Аткинсон исследовала характер трансформации сексуальной культуры в России, отмечая существенные изменения в репродуктивном поведении россиян и их зависимость от социально-политических и экономических процессов (Ibid: 26–34).

Таким образом, конференция, проведенная по инициативе Д. Рэнсела, и впоследствии опубликованный научный сборник стали для многих американских исследователей отправной точкой в собственных научных изысканиях по проблеме истории семьи, материнства и детства в России. В 1988 г. Д. Рэнсел опубликовал работу, ставшую впоследствии классической и имевшую несколько переизданий: «Матери нищеты. Социальное сиротство в России» (Ransel 1988). К сожалению, книга до сих пор не издана на русском языке. Объектом пристального изучения американского историка стали матери из низших слоев. Впервые он открыл богатую область благотворительности в императорской России, осветил деятельность воспитательных домов. Он исследовал такие важные социальные проблемы, как рост числа «незаконнорожденных» детей, существование высокой детской (в особенности младенческой) смертности и большого числа детоубийств. Он пытался ответить на вопрос, что толкало матерей на противоправное и аморальное поведение в отношении собственных детей? Автор опирался на доступные для него исторические источники — законодательные акты, медицинские отчеты, педагогические работы современников. В 1990 г. Д. Рэнсел опубликовал небольшую по объему работу «Материнство, медицина и младенческая смертность: некоторые сравнения» (Ransel 1990), где рассматривал историю материнства в России в кон-

тексте трансформации медицинских знаний (акушерских и педиатрических) и их влияние на выживаемость детей. Открытие «железного занавеса» дало возможность исследователю продолжить изучать историю российского и советского материнства. Впоследствии американский историк с позиции исторической этнографии продолжил изучать особенности быта сельских матерей. В 1990-х гг. он организовал «исследовательское бюро» по изучению материнства в среде деревенских женщин Поволжья. Д. Рэнсел непосредственно участвовал в этнографических экспедициях, при этом, проживая в течение нескольких месяцев в российских деревнях, проводил «устные интервью» с жительницами села, наблюдал за характером их поведения. Результаты его научных поисков, воплотившихся в монографии «Сельская жизнь в конце царской России» (Ransel 1993) и «Деревенские матери. Три поколения перемен в России и Татарии» (Ransel 2000), реконструировали этнографию материнства и детства в России с конца XIX в. вплоть до 1960-х гг. В основу его последней работы вошли более 100 устных свидетельств респонденток, повествующих об их практиках материнства. Исследуя три поколения крестьянок (колхозниц), Д. Рэнсел доказывал, как под влиянием общественно-политических условий, тягот крестьянско-колхозного быта утверждалась идеология регулирования деторождения, которая предполагала широкое распространение многократных abortивных практик в жизни крестьянок. Он описывал тяжесть крестьянского, а затем колхозного быта женщин, которые продолжали исполнять свое материнское предназначение.

Джессика Товров также продолжила изучать историю материнства в России. В 1987 г. она опубликовала работу, посвященную трансформации дворянских семей в доиндустриальной России (Товров 1987). Если отечественные историки российского дворянства писали исключительно о мужчинах данного сословия, то американская исследовательница, поставив в центр изучения историю семьи, впервые обратила внимание на дворянских женщин. Д. Товров широко использовала гендерно-чувствительные методы и методы психоанализа. Особое внимание она уделила изучению того, как процесс российской модернизации отразился на взаимоотношениях матерей и детей дворянского происхождения. Американская исследовательница в качестве основного источника выбрала женские дневники, письма екатерининской эпохи (в основном опубликованные), что позволило ей раскрыть палитру эмоциональных переживаний матерей.

Всплеск научного интереса русистов к проблеме трансформации материнских практик (1980-е гг.)

В 1980-е гг. русисты стали активно изучать повседневные реалии женщин-работниц, крестьянок и колхозниц (Evans 1981; Glickman 1984; Waters 1985). Материнство рассматривалось ими в контексте истории семьи, сексуальности, женских прав и влияния этакратических порядков на образ жизни женщин. Положение матерей-работниц анализировалось сквозь призму законодательной политики, регламентирующей их трудовую деятельность. Исследователей интересовали не столько эмоциональные переживания матерей из низшего сословия, сколько характер государственной политики в их отношении.

Важной особенностью западных исследований являлось то, что русисты стремились увязать историю материнства в России с борьбой женщин за свои права и в целом с развитием феминистического движения. Известный американский историк Ричард Стайтс, крупный специалист по русскому феминизму, в своей работе, опубликованной в 1978 г. (Stites 1978), впервые сделал вывод о том, что вопросы семьи, брака мало интересовали русских феминисток, которые концентрировали свои рассуждения вокруг политических вопросов, проблем женской свободы, женских прав и женского образования (Стайтс 2004: 102, 354). В то же время он не обошел вниманием тот факт, что поведение самих феминисток подрывало устои традиционной семейной жизни.

Оригинальный аспект в материнской теме был выбран профессором университета Колорадо, известной исследовательницей женской истории в России Барбарой Энгель. В своей работе «Матери и дочери. Интеллигентные женщины России девятнадцатого века» (Engel 1983) она пыталась ответить на вопрос: что побудило огромное количество интеллигентных женщин России XIX в. (гораздо большее, чем на Западе) восстать против традиционных семейных ролей (одна из глав исследования носит название «дочери против родителей») и как частное в конечном итоге превратилось в политическое (Ibid: VII). Предметом ее исследования стал не столько феномен материнства в России, сколько причины отказа от него, повлекшие за собой освоение иных социальных ролей «дочерьми» новой эпохи, которые поставили под сомнение старый гендерный порядок. Б. Энгель была убеждена в том, что российские феминистки были более радикальны по отношению к материнству (полностью его отрицали), нежели их западные «сестры» (Ibid: 7). Основываясь на опубликованных воспоминаниях, дневниках деятельниц русского феминизма (С. Ковалевской, Е. Водовозовой, В. Фигнер, В. Засулич, Н. Суловой и др.), исследовательница стремилась понять, что толкало обеспеченных молодых девушек бросать собственную семью ради призрачных целей революционного движения. По сути, исследуя эмоционально-чувственные причины феминизации россиянок, она попыталась раскрыть взаимоотношения между традиционно настроенными матерями и эмансипированными, «нигилизированными» дочерьми. Главную причину столь сильного конфликта поколений она видела в отсутствии эмоциональной привязанности между матерями-дворянками и их дочерьми, которые в условиях революционной России с легкостью покидали родителей. Б. Энгель отметила амбивалентность материнства в России. С одной стороны, материнство было важнейшей социальной ролью для женщин высших сословий, с другой, — в отличие от европейских и американских женщин среднего класса, дети не составляли «центрального фокуса» в жизни россиянок. Американская исследовательница широко применила биографический метод, анализируя жизни десятков россиянок. Сквозь личную историю она раскрывала историю целого поколения. Кроме этого, при анализе мотивов поведения женщин она широко использовала психологические методы. Учитывая характер использованных источников (принадлежавших феминистки настроенным россиянкам), она игнорировала факт распространения «сознательного материнства» в России. Книга Б. Энгель была востребованной зарубежными исследователями, что подтверждает факт переизданий (в 1985 и в 2000 гг.). Однако на русский язык монография до сих пор не переведена. Научный путь Б. Энгель

любопытен тем, что, начав свою исследовательскую работу с анализа взаимоотношений между матерями и дочерьми в пореформенной России, она обратилась к направлению *women's study*, опубликовав в 2004 г. работу по истории российских женщин, где проследила характер эволюции приватной и публичной сферы в жизни россиянок (Engel 2004).

Изначально русисты осторожно подходили к освещению проблемы материнства, затрагивая отдельные аспекты этого обширного явления, ограничивая период исследований временными рамками, выбирая конкретный предмет изучения (мать и дитя, практики родовспоможения, эмоциональные переживания), характеризуя ту или иную сословную группу (социальные низы, привилегированные сословия и классы). В то же время в конце 1980-х гг. в свет вышла монография профессора Хэмпширского колледжа Джоанны Хаббс «Мать России...», нацеленная на развенчание женских мифов в культуре России начиная с «доисторических времен» вплоть до современности (Hubbs 1988). В репрезентации материнства Д. Хаббс широко использовала этнографический материал: русский фольклор — верования, песни, культы, ритуалы и даже предметы материальной культуры (крестьянский костюм, обереги). Однако историки не раз подчеркивали существенные недостатки работы, проявляющиеся в выборе автором источников и тенденциозности выводов. В частности, Н.Л. Пушкарева указывала на то, что автор «сверхантифеминистично» подходила к характеристике тех или иных сторон семейных отношений в России (Пушкарева 2000: 22). Кроме того, автор не ставила задачу комплексного анализа феномена материнства, ее работа в большей степени напоминает сборник литературных зарисовок, а не научный текст. Основная часть книги Д. Хаббс посвящена материнским культам в славянских племенах и в раннехристианский период Руси (среди затронутых персонажей и образов были русалки, Баба Яга, образы Марии, Параскевы-Пятницы). При этом ее выводы часто не подкреплялись достаточным источниковым материалом. Например, в освещении материнства индустриальной и советской России автор основывался исключительно на литературных источниках.

Материнская тема нашла частичное отражение в трудах Евы Левин, редактора журнала «Русское обозрение». Наиболее раннюю из своих работ она посвятила жизни женщины средневекового Новгорода, где значительное внимание уделила вопросам семейной организации (Levin 1983). Позже Е. Левин существенно расширила временные рамки исследования, акцентируя внимание на сексуальной жизни русского населения допетровской эпохи (Levin 1995). С позиции историко-этнографического подхода американская исследовательница раскрыла практики и культы деторождения, существовавшие в народе (значительное место она уделяла культу Параскевы). Е. Левин впервые затронула запретные темы для традиционной отечественной науки, среди которых — существование инфантицида в российском обществе, сексуального насилия, инцеста в допетровской России, моногамность славян в дохристианский период (Levin 1986; Levin 1995; Clements at al. 1991: 44–59). Описывая деторождение в допетровской России, она пришла к выводу о прочно сохранившихся языческих практиках (непременными защитниками роженицы были не столько иконы, сколько языческие амулеты, обереги и заговоры) (Clements at al. 1991: 44). Кроме того, она подчеркивала амбивалентное отношение общества к материн-

ству: материнство воспевалось как священная миссия женщины, но при этом частые роды воспринимались населением как признак сексуальной активности супругов, а значит, свидетельствовали об их греховной жизни.

**1990-е гг.: проблема материнства в контексте гендерной истории, социологических и филологических исследований.
Новые подходы, методы и источники**

В 1990-е гг. русисты обратили пристальное внимание на положение советских женщин в семье и обществе. Этот факт был обусловлен возможностью свободной научно-исследовательской работы (в том числе в российских архивах и библиотеках), доступностью «живых свидетелей эпохи», материалов «устной истории» («oral history») — реальных свидетельств бывших советских женщин, повествующих об особенностях семейного быта. В частности, в 1990-е гг. профессор Индианаполитского университета Д. Рэнсел организовал «русское бюро», сотрудники которого проводили сбор «полевого материала» в Центральной России и Поволжье. Результатом их работы стали новые публикации о женщинах советской России. Характеризуя русистику 1990-х гг., следует отметить, что научный интерес был направлен на репрезентацию, прежде всего, гендерной истории в России. Проблема материнства рассматривалась в контексте трансформации гендерных ролей в семье и обществе, сексуальных отношений, матримониального и репродуктивного поведения, «женского вопроса», женского образования и трудовой деятельности (Waters 1992; Farnsworth, Viola 1992; Buckley 1997).

Элизабет Вуд в своей известной книге «Баба и товарищ...» концентрирует внимание на общественной, профессиональной и политической деятельности советских женщин, игнорируя их семейную повседневность (Wood 1997; Marsh 1996). Подобный ракурс представлен в работе Джейн МакДермид и Анны Хиллиар, которые сравнивали советскую женщину в период революционных событий с «повивальной бабкой революции» (McDermid, Hillyar 1999). Венди Гольдман (впоследствии профессор истории университета Карнеги-Меллон) проследила воплощение идей новой социалистической семьи на практике, основываясь преимущественно на трудах А. Коллонтай, опубликованных в первые два десятилетия постреволюционного периода (Goldman 1993). Ее монография «Женщина, государство и революция: Советская политика в отношении семьи и общественной жизни» на одной из книжных выставок Великобритании в 1993 г. была признана лучшей исторической работой, написанной женщиной. Она считала, что объявленная «сексуальная свобода», упадок традиционных семейных ценностей, появление «свободных союзов» между мужчиной и женщиной привели к тяжелейшим социальным последствиям — увеличению числа беспризорных детей, появлению случаев инфантицида и неконтролируемого роста абортот. Ссылаясь на «устные истории» советских женщин, она отмечала существование серьезного конфликта в жизни советской матери между вынужденной потребностью «трудиться» и исполнять материнские функции (Goldman 1993: 335). Античеловеческие условия труда превращали аборт в жизненно необходимую практику, от которого зависела выживаемость семьи и ее членов. По мнению исследовательницы, провал концепции

«новой социалистической семьи» заставил большевиков кардинально пересмотреть политику в области половой морали и семейных взаимоотношений, что повлияло на принятие новых законов, связанных с охраной семейных союзов, материнства и детства. В дальнейшем В. Гольдман продолжила изучать гендерную историю России, опубликовав труд, раскрывающий особенности быта советской женщины (Goldman 2002). Ее книга «Women at the Gates...» была переведена на русский язык («Женщина у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии») и издана в 2010 г. (Гольдман 2010). Однако в данной работе автор обходит стороной вопросы материнства, сосредотачиваясь на характере труда и производственных отношений советских женщин.

Вопрос эволюции материнского права в контексте брачно-семейных отношений был затронут профессором университета Южного Миссисипи В. Вагнером в книге «Брак, собственность и закон в конце императорской России» (Wagner 1994). Однако исследователь заостряет внимание не столько на материнском правовом статусе, сколько на правах детей внутри патриархальных семей.

Таким образом, отдельные аспекты материнства чаще становились не предметом исследований, а «деталью» к женскому образу той или иной эпохи. Кроме того, русистика сфокусировалась на изучении «советских женщин», советской сексуальной культуры, советской семьи и частично особенностей воспитания детей в колхозно-рабочих семьях. Это повлияло на методологию исследований — доминирование социологических и этнографических методов (устные интервью, полевые исследования, анкетирования), т. к. они давали богатый материал по заявленным темам.

Весьма ценным по характеру поднятых тем явился коллективный труд под редакцией профессора Колорадского университета Барбары Клементс «Женщины России...» (Clements at al. 1991), опубликованный в 1991 г. В нем содержались работы как выдающихся русистов (Д. Рэнсел, Л. Энгельштейн, Е. Левин, Э. Уотерс), так и отечественных историков-первопроходцев направления Woman's Study (Н.Л. Пушкарева). Д. Рэнсел, опираясь на данные российских этнографов, характеризовал родильные обряды в народной среде (Ibid : 113–135). Профессор Принстонского университета Лора Энгельштейн представила противоречивый взгляд российского сообщества врачей и правоведов рубежа XIX–XX вв. на вопрос легализации абортов. Впоследствии результаты ее работы были обобщены в книге, посвященной истории сексуальной культуры в России, — «Ключи счастья...» (Engelstein 1992). Американская исследовательница представила образ новых матерей в России, феминисток и нигилисток, отрицающих собственные материнские роли и собственно фертильность. Впервые она затронула вопросы вхождения в жизнь городского сообщества средств, ограничивающих деторождение, что, по ее мнению, непосредственно было связано с изменениями в сексуальной жизни населения. Л. Энгельштейн были не доступны многие архивные материалы, в связи с чем в качестве источника она использовала русскую литературу рубежа XIX–XX вв., в том числе бульварную, филигранно вплетая ее фрагменты в свое повествование. Вполне вероятно, что характер исследования Л. Энгельштейн повлиял на интерес русистов к литературным образам русских матерей (Andrew 1995; Kelly 1996).

Открытость постсоветской России привлекала зарубежных этнографов, социальных историков, социологов, экономистов, которые стали активно изучать

трансформацию репродуктивного поведения россиянок, формирование новых семейных отношений в условиях постсоветской России. В частности, Моника Фонг представила исследование, во многом основанное на проведенных социологических опросах и анкетировании российского населения и характеризующее репродуктивное поведение россиянок, их семейные роли, отношение к материнству, рождению детей и абортам. Она отмечала ухудшение показателей женского репродуктивного здоровья, сдержанность россиянок в оценке материнских ролей, положительное отношение к абортам (Fong 1993). В 1990-е гг. специфику женского репродуктивного поведения в России изучал профессор антропологии Мишель Ривкин-Фиш (университет Кентукки), результаты своей работы он опубликовал в 2000-е гг. (Rivkin-Fish 2005). Он пришел к выводу, что индивидуальные (персонифицированные) стратегии личного роста в жизни женщин превалировали над материнским инстинктом.

Опираясь на поддержку коллег из Санкт-Петербурга (А. Темкиной, Е. Здравомысловой), финская исследовательница (социолог) Анна Роткирх в 1998 г. опубликовала труд, посвященный сексуальной жизни советских женщин. Русский перевод книги вышел в свет в 2011 г. (Rotkirch 2000, Роткирх 2011). Автор применила оригинальную методiku, впервые апробированную за рубежом. Выводы А. Роткирх были построены на изучении более 40 женских и мужских эссе, в которых авторы описывали свой сексуальный опыт (сочинения были представлены на конкурс автобиографий, объявленный в Санкт-Петербурге). Особое внимание она обратила на роль материнства в жизни советских женщин, проследив трансформацию материнских практик на протяжении трех поколений. Ее вывод состоял в том, что в большинстве случаев советские матери противопоставляли материнство сексуальности. А. Роткирх подчеркнула низкую сексуальную просвещенность трех поколений жительниц Ленинграда, а затем Санкт-Петербурга. Исследовательница обратила внимание также на широту распространения криминальных abortивных практик среди городского населения советской России.

Бурный интерес русистов 1990-х гг. к проблемам родительства и материнства в советской и постсоветской России фактически депривировал материнскую тему в иные эпохи российской истории. Исключением стали работы профессора Питтсбургского университета Адель Линденмайер, специализирующейся на истории женской благотворительности в России. Она опубликовала статью, в которой рассмотрела новые веяния в социальном законодательстве (преимущественно закон о социальном страховании 1912 г.) по отношению к обеспечению прав матерей-работниц (Lindenmyer 1993). Кроме этого, в работах по истории социальной помощи в России она затронула проблему организации и функционирования женских благотворительных обществ по поддержке материнства и младенчества (Lindenmyer 1980; 1990; 1996). Элизабет Уотерс, исследуя трансформацию института материнства в советской России, была уверена в том, что социалистический эксперимент создания системы социального обеспечения и охраны материнства и детства во многом заимствовал достижения как практического, так и идейного характера начала XX в. (впервые статья была опубликована в 1992 г.) (Waters 2002: 277). Процесс появления новых черт в институте материнства России с конца XIX в. американская исследовательница называла «модернизацией материнства».

Снижение интереса русистов 2000–2010 гг. к *motherhood studies* на фоне развития исследований *woman's study*

Русистика 2000–2010-х гг. также слабо представлена направлением *motherhood studies*. Исследовательский интерес по-прежнему концентрировался вокруг гендерной истории, истории семьи (Engel 2004; Hutton 2001; Rosslyn 2003; Rosslyn, Tosi 2007), истории детства в России (наиболее известная работа данного периода «Маленькие товарищи») (Kirschenbaum 2001; Kelly 2007). Русисты последнего десятилетия в основном обращаются к истории женщин в России, ее переосмыслению, заостряя внимание на важнейших вехах, вплетая ее в общую европейскую историю женщин. При этом институт материнства в России, судя по последним публикациям, потерял намеченную еще с 1970-х гг. актуальность. В частности, новые оценки правового статуса русских дворянок дореформенной России представила Мишель Маррезе в монографии «Бабые царство...», которая была переведена на русский язык (Marrese 2002). Основываясь на многочисленных архивных материалах (РГАДА, РГИА), американская исследовательница затронула вопросы материнского права в России. Она подчеркивала амбивалентное положение замужних дворянок (с одной стороны, бесправность, с другой, — активный субъект правовых сделок), которые во многом превосходили по степени своей правоспособности замужних дам Западной Европы. В работе профессора Колорадского университета Барбары Клементс, освещающей историю российских женщин с X до XXI в., акцент сделан на обобщение политической истории женщин (Clements 2012), в монографии М. Хаттон (несмотря на то, что на обложке книги изображена кормящая мать) основное внимание уделено развитию образования женщин и их участию в политической борьбе, в то время как вопросы частной жизни не получили раскрытия (Hutton 2001). В книге Линн Абрамс, профессора университета Глазго, формирование европейской женщины Нового времени прослеживается с привлечением российского материала (Abrams 2002). Монография была переведена на русский язык (Абрамс 2011). Одна из глав исследования посвящена вопросам частной жизни женщины (замужество, материнство, дом, семья, сексуальность). Автор, оценивая характер развития института материнства в Европе, считает, что для России были характерны общеевропейские тенденции (формирование культа «идеальной матери», превращение материнства из биологической в социальную обязанность женщины, усиление общественных и государственных институтов по охране материнства). Однако нередко автор чрезмерно абсолютизирует выводы в отношении материнских практик, существовавших в России.

Зарубежные исследователи демонстрировали филигранную работу с документами личного происхождения. Западноевропейские ученые стали активно изучать тему материнства в русской литературе и культуре. В 2000 г. в Берлине была проведена международная конференция «Русская культура и гендерные исследования» (Пол. Гендер. Культура... 2003). Авторы докладов анализировали традиционный образ Матушки-Руси (Линда Эдмондсон, Криста Эберт), проблему материнства в творчестве Л.Н. Толстого, М. Цветаевой, женской прозе эпохи модерна (Элизабет Фогель, Криста Бинсвангер, Элизабет Шорэ), символику материнства в искусстве сталинской эпохи (Сузанна Рамм-Вебер).

К. Эберт убеждена, что для русской идентичности крайне важное значение имеет отношение между Матушкой Русью и ее сыновьями, а, в конечном счете, между матерью («фаллической матерью») и мужчиной («инфантильным сыном») (Пол. Гендер. Культура... 2003: 163-191)

Среди европейских исследований выделяется работа финки Кирсти Эконен, которая, опираясь на многочисленные «женские тексты», переосмыслила образ женщин модернизма, «новых женщин» эпохи, ярких русских писательниц Серебряного века (в 2011 г. монография была переведена на русский язык) (Эконен 2011). Основываясь на скрупулезном изучении его-документов (дневников, писем, воспоминаний) известных россиянок (З. Гиппиус, Л. Зиновьевой-Аннибал, П. Соловьевой и др.), она пыталась определить место женщины-автора в символистской эстетике. Помимо центральной цели исследования, К. Эконен затрагивала и вопросы частной жизни своих героинь, представляя их отношение (зачастую негативное или совершенно нейтральное) к материнству.

Рост научной коммуникации между зарубежными и отечественными исследователями привел к появлению совместных проектов, подогревающих интерес представителей отечественной науки к проблемам гендерной истории, материнства, отцовства. Под редакцией преподавателя Лондонской школы экономики Сары Эшвин, специализирующейся на изучении повседневности советских работниц, в 2000 г. был опубликован совместный труд ученых из Великобритании и России. Материнская тема советской и постсоветской России была представлена Ольгой Исуповой (Ashwin 2012: 30–55)*. В 2012 г. в свет вышел труд под редакцией английских историков В. Рослин и А. Тоси, отражающий различные аспекты участия россиянок в развитии отечественной культуры (Rosslyn, Tosi 2012). Однако материнская тема не получила отражения в представленных научных статьях. Исключительной по постановке проблемы явилась статья Марианны Муравевой, активно публикующейся за рубежом, посвященная сексуальному и бытовому насилию в русских семьях XIX в. (Rosslyn, Tosi 2012: 209–238). Ее основной тезис состоял в том, что степень насилия над сельскими женщинами, несмотря на расширение женских прав, эмансипацию, на всем протяжении XIX в. неуклонно росла. Однако рост судебных разбирательств (по инициативе женщин) по обвинению в насилии, по мнению исследовательницы, свидетельствовал в пользу роста женского самосознания. Л. Денисова и И. Мишина (штат Массачусетс) опубликовали совместный труд о тяжелой повседневности советских женщин (Denisova, Mukhina 2010)**. В 2014 г. был издан сборник работ американских, западноевропейских и российских ученых, посвященный истории российских женщин. В центре внимания зарубежных исследователей оказались преимущественно вопросы политического характера. Материнской темы вскользь касалась Кристи Эконен в статье, посвященной формированию новой женщины эпохи модернизма (Ekonen at al. 2014: 44-60).

* Первая публикация книги состоялась в 2000 г., в 2012 г. — переиздание.

** Л. Денисова — профессор истории Университета Нефти и газа. И. Мишина — ассистент профессора Ассампшен колледж (штат Массачусетс).

Изучение публикаций последнего десятилетия в таких журналах, как «The Russian Review», «Slavic Review», «Aspasia», в которых широко представлены статьи славистов, показывает, что исследователи продолжают разрабатывать материнскую тему. Однако чаще их научные изыскания сосредоточены вокруг изучения институтов семьи, родительства, детства, сексуальной культуры, а не материнства (Dobson 2014; Conh 2009; Kaiser 2006; Neary 1999; LeBlanc 2011; Rivkin-Fish 2010; Muravyeva 2014). Из-за однобокого использования источников нередко выводы русистов выглядят сомнительными. В частности, Сьюзен Смит-Петер, основываясь на литературе медико-педагогического характера, полагает, что в России в XIX в. среди матерей, как дворянок, так и крестьянок, было распространено «обучение материнству» своих дочерей и, как следствие, тесная эмоциональная связь между ними (Smith-Peter 2007). Однако источники личного происхождения свидетельствуют об обратном, к тому же в литературе медицинского и педагогического характера представлена желаемая (идеальная) картина взаимоотношений матери и дитя, а не реальные отношения.

Среди статей встречаются далекие от новизны в постановке проблемы, отражающие уже давно раскрытые темы, к тому же авторы нередко опираются на те же источники, что и русисты 1970-1980-х гг. (законодательные акты советской власти), без привлечения новых архивных материалов (Randall 2011). На мой взгляд, подлинно новаторскими выглядят исследования историков детства. Весьма оригинальны работы доктора философии из Великобритании Энди Байфорда (Byford 2013). В своей статье, опубликованной в «The Russian review», он проследил трансформацию материнства и отцовства с начала XX в. вплоть до 1930 г. Новаторский подход автора обусловлен как выбранными рамками исследования, так и привлечением новых источников — «родительских дневников» («материнских дневников»), на анализе которых и построено исследование. Российскими исследователями «родительские дневники», за редким исключением (В.А. Веремеенко), незаслуженно обойдены вниманием, несмотря на то, что в них содержатся богатый материал о семейной жизни и характере воспитания детей. Э. Байфорд считал, что с возникновением в пореформенной России научного знания об уходе за детьми, основная функция «сознательных родителей» состояла в тесном сотрудничестве «с другими специалистами» — врачами, педагогами. В итоге родители теряли исключительное право на воспитание детей (Byford 2006; Байфорд 2013).

Заключение

Проблему материнства в истории России, несмотря на скудность источников, начали изучать американские ученые в 1970-е гг. При этом их интерес к этой проблеме совпал с рождением *motherhood studies* в западной историографии. Основная заслуга в появлении и развитии *motherhood studies* в России принадлежала Д. Рэнселу, который до сих пор остается лидером данного направления. В 1970-е — начале 1980-х гг. интерес русистов сосредотачивался на дореволюционном периоде в истории России. Именно в это время были опубликованы работы по истории российского материнства, ставшие классическими (Д. Рэнсел, Б. Энгель, Дж. Товров). В большинстве случаев зарубежные исследователи касались материнской темы сквозь призму гендерной истории, истории семьи, родительства, истории сексуальной культуры, истории детства.

К ведущим научным центрам по изучению материнства в России относятся Индианский, Иллинойский, Принстонский университеты (США).

С 1990-х гг. русисты основное внимание уделяли изучению материнства в советской и постсоветской России, ввиду доступности источников (полевых, «oral history»). Зарубежные ученые проявляли большой интерес к матерям из народной среды (работницам, крестьянкам, колхозницам). Среди применяемых методов и подходов русисты активно использовали биографические, гендерно-чувствительные, этнографические и феминистские. Один из существенных недостатков исследований — характер использованных источников. Ученые досоветского периода крайне редко привлекали новые архивные материалы. Их работы были построены на изучении уже опубликованных источников, которые принадлежали известным общественно-политическим деятелям, чей опыт материнства представлял не типичную картину поведения россиянок, а исключительную, что приводило к схематизации и чрезмерному обобщению выводов.

Несмотря на большое количество работ, связанных с историей материнства в России, до сих пор не появилось исследования, которое бы уверенно «вписало» российских матерей в социальную историю. Если исследователи советского периода сделали определенные успехи на этом пути, то история материнства в царской России освещается фрагментарно, избирательно. Мать с ее «материнскими практиками» нередко рассматривалась автономно, вне связи с социально-политическими и экономическими процессами. В лучшем случае исследователи прослеживали влияние социокультурных факторов на матерей, но не наоборот. Все это в определенном роде депривировало матерей в качестве активных участников исторического процесса.

Литература

Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи: 1789–1918. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2011.

Байфорд Э. Родитель, учитель и врач: к истории их взаимоотношений в деле воспитания и образования в дореволюционной России // Новые российские гуманитарные исследования, 2013 [<http://www.nrgumis.ru>]. Дата доступа: 12.07.2014 г.

Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневецкого. М.: Статистика, 1977.

Гольдман В. Женщина у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии. М.: Росспэн, 2010.

Пушкарёва Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение, 1999, 5, с. 47–59.

Пушкарёва Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // Женщина в российском обществе, 2000, 1, с. 9–24.

Пушкарёва Н.Л. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства // Этнографическое обозрение, 2001, 5, с. 91–101.

Роткирх А. Мужской вопрос: Любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004.

Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Вып. 3. Под ред. Шоре Э., Хайдер К. М.: РГГУ, 2003.

Мицюк Н.А. *История материнства в России на страницах англоязычной историографии*

Эконен К. Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX-XX веков. М.: ТЕРРА, 1996.

Abrams L. *The Making of Modern Woman: Europe 1789–1918*. London: Longma. 2002.

Andrew J. Mothers and Daughters in Russian Literature of the First Half of the Nineteenth Century, *Slavonic and East European Review*, 1995, 73(1), Jan., pp. 37–60.

Ashwin S. (ed.) *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. Routledge, 2012.

Atkinson et al. (ed.) *Women in Russia*. Stanford University Press, 1977.

Buckley M. (ed.) *Post-Soviet Women: from the Baltic to Central Asia*. Cambridge University Press, 1997.

Byford A. Professional Cross-Dressing: Doctors in Education in Late Imperial Russia (1881–1917), *The Russian Review*, 2006, 65(4), pp. 586–616.

Byford A. Parent Diaries and the Child Study Movement in Late Imperial and Early Soviet Russia, *The Russian Review*, 2013, 72(2), pp. 212–241.

Clements et al. (ed.) *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkley-Los Angeles-Oxford, 1991.

Clements B. *A History of Woman in Russia*. Indiana University Press, 2012.

Conh E.D. Sex and the Married Communist: Family Troubles, Marital Infidelity, and Party Discipline in the Postwar USSR, 1945–64, *The Russian Review*, 2009, 68(3), pp. 429–450.

Denisova L., Mukhina I. *Rural Women in the Soviet Union and Post-Soviet Russia*, 2010.

Dobson M. Child Sacrifice in the Soviet Press: Sensationalism and the “Sectarian” in the Post-Stalin Era, *The Russian Review*, 2014, 73(2), pp. 237–259.

Ekonen et al. (ed.) *Woman and Transformation in Russia*. New York. Routledge, 2014.

Engel B.A. *Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth century Russia*. Cambridge, 1983.

Engel B.A. *Women in Russia, 1700–2000*. Cambridge University Press, 2004.

Engelstein L. *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-si cle Russia*. Cornell University Press, 1992.

Evans J. The Communist Party of the Soviet Union and the Woman's Question: The Case of 1936 Decree “In Defense of Mother and Child”, *Journal of Contemporary History*, 1981, 16, pp. 757–775.

Farnsworth B., Viola L. *Russian Peasant Women*. Oxford University Press, 1992.

Field A.W. *Protection of Women and Children in Soviet Russia*. New York, 1932.

Fong M.S. *The Role of Women in Rebuilding the Russian Economy*. Washington, 1993.

Glickman R. *Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880–1914*. University of California Press, 1984.

Goldman W. *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge University Press, 1993.

Goldman W. *Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia*. Cambridge University Press, 2002.

Halle F.W., Green M.M. *Woman in Soviet Russia*. Viking Press, 1933.

Hellie R. *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research* by David L. Ransel // *The Journal of Modern History*, 1980, 52(3), 565–568.

Hubbs J. *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington, 1988.

Hutton M.J. *Russian and West European Women, 1860–1939: dreams, struggles and nightmares*. New York.: Rowman & Littlefield Publishers, 2001.

- Kaiser D.H. Church Control over Marriage in Seventeenth-Century Russia, *The Russian Review*, 2006, 65(4), pp. 567-585.
- Kelly C. Educating Tatiana: Manners, Motherhood and Moral Education (vospitanie) 1760-1840 // Papers, presented to the Conference “*Gender and Perceptions of Sexual Difference in Russian Culture and History*”. Birmingham. July 5. 1996.
- Kelly C. *Children's World: Growing up in Russia, 1890-1991*. New Haven, 2007.
- Kirschenbaum L.A. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917-1932*. New York. 2001.
- LeBlanc R.D. No More Horsing Around: Sex, Love, and Motherhood in Tolstoi's Kholstomer, *Slavic Review*, 2011, 70(3), pp. 545-569.
- Levin E. Infanticide in Pre-Petrine Russia, *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*, 1986, 34(2), pp. 215-224.
- Levin E. *The role and status of women in medieval Novgorod*. Indiana University, 1983.
- Levin E. *Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900-1700*. Cornell University Press, 1995.
- Lindenmyer A. *Public Poor Relief and Private Charity in Late Imperial Russia*. Princeton University, 1980.
- Lindenmyer A. *Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity*. Pittsburgh, 1990.
- Lindenmeyr A. Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia, *Journal of Women's History*, 1993, 5(2), pp. 114-125.
- Lindenmyer A. *Poverty is not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia*. Princeton. 1996.
- Marrese M. *Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700-1861*. Cornell University: New York, 2002.
- Marsh R. *Woman in Russia and Ukraine*. Cambridge: University of Cambridge, 1996.
- Matthews T. *Russian Child and Russian Wife*. London, 1949.
- McDermid J., Hillyar A. *Midwives of the revolution. Female, Bolsheviks and woman workers in 1917*. London, 1999.
- Muravyeva M. Bytovukha: Family Violence in Soviet Russia, *Aspasia*, 2014, 8, pp. 90-124.
- Neary R.B. Mothering Socialist Society: The Wife-Activists' Movement and the Soviet Culture of Daily Life, 1934-41, *The Russian Review*, 1999, 58(3), pp. 396-412.
- Randall A.E. “Abortion Will Deprive You of Happiness!”: Soviet Reproductive Politics in the Post-Stalin Era, *Journal of Women's History*, 2011, 23(3), pp. 13-38.
- Ransel D. (ed.) *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research*. Urbana: University of Illinois Press, 1978.
- Ransel D.L. *Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia*. Princeton University Press, 1988.
- Ransel D. *Mothering, medicine, and infant mortality in Russia: some comparisons*. The Woodrow Wilson Center, Kennan Institute for Advanced Russian Studies, 1990.
- Ransel D. Village Life in Late Tsarist Russia. Indiana University Press, 1993.
- Ransel D. *Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria*. Indiana University Press, 2000.
- Rivkin-Fish M.R. Women's Health in Post-Soviet Russia. Indiana University Press, 2005.
- Rivkin-Fish M. Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of “Maternity Capital”, *Slavic Review*, 2010, 69(3), pp. 701-725.
- Rosenhan at al. (ed.) *Women in Russia*. Stanford University Press, 1977.
- Rosslyn W. *Women and Gender in 18th-century Russia*. Ashgate, 2003.

Мицюк Н.А. *История материнства в России на страницах англоязычной историографии*

Rosslyn W., Tosi A. *Women in Russian culture and society, 1700-1825*. Palgrave Macmillan, 2007.

Rosslyn W., Tosi A. (ed.) *Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture*. Open Book Publishers, 2012.

Rotkirch A. *The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia*. Department of Social Policy, Research Reports. Helsinki: University of Helsinki. 2000.

Smith-Peter S. Educating Peasant Girls for Motherhood: Religion and Primary Education in Mid-Nineteenth Century Russia, *The Russian Review*, 2007, 66(3), pp. 391–405.

Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860-1930*. Princeton, 1978.

Tovrov J. *The Russian Noble Family: Structure and Change*. New York; London: Garland Pub., 1987.

Wagner W. *Marriage, property, and law in late Imperial Russia*. Clarendon Press, 1994.

Waters E. *From the Old Family to the New: Work, Marriage and Motherhood in Urban Soviet Russia, 1917-1931*. PhD. Diss. University of Birmingham, 1985.

Waters E. The Modernization of Russian Motherhood, 1917-1937, *Soviet Studies*, 1992, 44(1), pp. 123-135.

Waters E. The Modernization of Russian Motherhood, 1917-1937, in: *The European Woman's history readers*. Routledge, 2002, pp. 277-289.

Wood E.A. *The Baba and the Comrade*. Indiana University Press, 1997.